Дебют

в 50 лет

НАША ПЕРВАЯ встреча состоялась более трех десятилетий назад. На московском конкурсе чтецов смуглый статный юноша из Баку поистине вдохновенно прочитал на азербайджанском языке стихотворение А. С. Пушкина. Ему была присуждена одна из почетных премий. Я спросил, кем он мечтает быть. Мехти Мамедов застенчиво улыбнулся и ответил: режиссером.

Шли годы. Мехти стал режиссером, осуществил много интересных постановок. Несмотря на свою молодость, он получил приглашение возглавить Театр оперы и балета имени М. Ахундова, а затем стал главным режиссером Академического театра драмы

имени М. Азизбекова. Ему было присвоено высшее почетное звание республики — народный артист Азербайджана.

Но у Мехти возникли новые стремления.

Он пишет кандидатскую диссертацию, затем защищает докторскую: они были посвящены современным эстетическим проблемам азербайджанской советской драматургии. А не так давно, в день своего пятидесятилетия, Мехти Мамедов — режиссер и ученый-искусствовед — впервые выступил как актер.

Он играл роль Федора Протасова в поставленном им же спектакле «Живой труп» Л. Толстого на сцене Азербайджанского академического театра драмы имени М. Азизбекова.

Я видел этот спектакль. Он необычен: трагедия Протасова, бросившего вызов окружающим людям, но воля которого не направляется на активный протест, на борьбу, раскрывается очень эмоционально, на контрасте бурного столкновения человеческих страстей и холодного равнодушия общества. Федора порой играли все безвольным, но тогда снималась трагическая природа конфликта пьесы. Это отлично понял Мехти Мамедов. Человечески обязательным, душевным предстает Федор Протасов у Мехти Мамедова в сцене с цыганами. Да, для

него в цыганке Маше — жизнь с ее вихревыми танцами и песнями, заполняющими сердце. В соответствии с замыслом режиссера удивительно темпераментно и страстно играет Машу Шафига Мамедова.

Кажется, все человеческое убито обществом в Протасове — Мамедове, все растоптано и осквернено. И тем неожиданнее его взволнованное, искреннее возмущение словами и поведением следователя. В нем вскипает порыв негодования, протеста, человеческой гордости: он стучит по столу, и следователь пятится в испуге. Финал сцены — Протасов за тюремной решеткой в луче света: его голос постепенно усиливается репродукторами, его смех, презрительный и горький, звучит во всех концах зрительного зала.

Федор Протасов после суда озабочен одним: как бы разрубить запутавшийся узел жизни, пресечь жгучую боль сердца. Он умирает. Но снова звучит песня Маши, и сквозь безутешные женские рыдания прорывается воспоминание о ее, заполняющих сердце, вихревых песнях жизни.

Трудно поверить, что Протасов — первая роль Мехти Мамедова: бесконечно длились вызовы, аплодисменты, Мехти Мамедов выходил счастливым.

Николай ПУТИНЦЕВ.

БАКУ — МОСКВА.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА 30 ОКТ 1969

г. Москва